

вести воздействует на наше поведение; она гложет нас, как вода подтачивает камень, и не позволяет расслабиться. Мы логически не можем одобрять всецело свое аморальное поведение, и настойчивость совести способствует сохранению последовательности в мысли. Иногда мы ошибочно думаем, что действие совести предшествует логике мышления и объясняет ее, но на самом деле наоборот.

К сожалению, мы научились вводить в заблуждение себя и других относительно того, что оценочные действия носят универсализуемый характер, а между тем это не так, если не ограничивать наше внимание именно теми ценностями, которые могут быть универсализованы, и не игнорировать те, которые оправдывают личные интересы в ущерб чужим интересам, в особенности когда ущерб наносится совершенно незнакомым нам людям. Эти мыслительные трюки оказываются возможными благодаря *рационализации*, которая составляет темную сторону универсализации, своего рода волк в овечьей шкуре. Когда А. Франс посмеялся над «равенством» перед законом, одинаково запрещающим богатым и бедным спать под мостами, он увидел исключительную претензию «универсального» правила способствовать интересам одной социальной группы и одновременно игнорировать ущерб, причиняемый другим. Нам не отделаться от философских и практических опасностей рационализации, поскольку наша рациональность хрупка и несовершенна. Если у морали и есть логика, то лишь тогда, когда мы, философы, понимаем, как помочь людям, а стало быть, и самим себе, выявлять свои неявные установки высшего уровня и на основе этого смотреть на них, как в зеркало, и судить о них без экивоков. Только тогда мы сможем предложить им действительный путь к моральному обновлению.

Перевод с английского Р. Апресяна

А.Г. Гаджикурбанов¹

Мораль представляет собой особый способ человеческого существования, определяемый в терминах перехода человека из состояния меньшего совершенства к состоянию большего совершенства его природы.

Термин «способ человеческого существования» обозначает некоторую метафизическую реальность, или форму человеческого бытия. Вместе с тем моральный

---

¹ Аслан Гусаевич Гаджикурбанов — кандидат философских наук, автор книги «Антропология Августина и античная философия», доцент кафедры этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

способ существования человека невозможно заключить в рамки какой-либо онтологии, поскольку он опирается на идею, превосходящую пределы бытия как такового. Здесь, скорее, можно говорить о человеческом существовании или бытии человека в модусе *долженствования* (Sein-Sollen у Канта). Речь идет не о расширении границ бытия, а о переходе морального субъекта в иное измерение человеческих возможностей – *трансцендентное*, запредельное по отношению к любым наличным определениям человека. Мораль обозначает динамику становления человеческого существа от одной стадии его метафизического совершенства к другой, и далее – за пределы его наличного существования. У Аристотеля цель любого стремления, в том числе (и в первую очередь) нравственного, – это лучшее, или благо как предел свойственных человеку природных совершенств.

В этом случае всякая моральная доктрина в той или иной мере будет представлять из себя этику совершенств. Перфекционистская идея лежит в самом основании феномена морали. Речь идет не о возможном состоянии совершенства, достижимом тем или иным человеком, а о движении, переходе или стремлении человеческого существа, осознающего свое несовершенство, к достижению более высокого жизненного статуса. Один из парадоксов этической практики заключается в том, что достижение моральным субъектом фиксированного бытийного статуса (состояния высшего совершенства) означало бы выход его из морального пространства. Чтобы быть нравственным существом, он всегда должен находиться посередине между несовершенным и совершенным, дабы оставить место нравственному действию, или моральному поступку. Аристотель поместил человека как носителя морали между животными и богами (он может по своему усмотрению изменять свою природу именно в этих пределах), наделив его для этого рассудочными способностями, или даром благоразумия, находящимся посередине между изменчивой чувственной природой, лишенной идеальных целей, и чистым умом, причастным к неизменному миру идеальных форм. Моральный рассудок не только занимает промежуточное положение между чувственностью и интеллектом, но и соединяет их между собой – возвышает чувства и оживотворяет интеллект.

Сфера морального действия обладает собственной топологией и ориентирами, значимыми для морального сознания. Его природа не однородна, а обладает ценностными различиями, определяемыми высшими категориями, или универсалиями морали – понятиями добра и зла. Они, будучи пограничными понятиями, отделяют моральное действие от других типов духовной практики человека. Моральный поступок предполагает избирательность в выборе между добром и злом. Эти моральные универсалии, представляющие собой основания для этической дифференциации жизненного пространства, неравнозначны для морального

сознания. Практическая философия традиционно настаивает на приоритетности добра (как бы оно ни понималось) в моральном выборе субъекта. Мораль не принимает апории Буриданова осла, который, как считается, должен умереть из-за неспособности выбрать одну из предложенных ему возможностей в силу их равной необходимости для поддержания его жизни. Для нравственного существа добро всегда предпочтительней зла. Предрасположенность к добру представляет собой своего рода норму для морального чувства и является свидетельством его здоровья. Оно и становится основанием для ориентации человека в этическом универсуме, критерием различения допустимого и запретного в его деяниях.

Особенность онтологии морали – ее опора на платоническую конструкцию, согласно которой все бытие разделяется на две сферы, различающиеся между собой прежде всего по своему *ценностному* статусу. В определенной мере эту схему можно рассматривать как *метафизическую матрицу моральной действительности*, или как ее онтологическую опору. Без этого универсального основания существование морали оказывается невозможным. Не случайно в своих «Основоположениях к метафизике нравов» Кант говорил о том, что всякой моральной философии должна предшествовать соответствующая ей система чистой философии (метафизика). Действительно, все известные нам значимые этические доктрины опирались на хорошо разработанные метафизические основания.

Ценностное различение жизненного мира включает в себя не только предпочтительность одной из универсалий морали (добра) перед другой (злом), но и определенную иерархию ценностей, их статусность. В понимании природы моральных ценностей традиционно существуют две традиции.

Одна из них утверждает, что моральные оценки имеют *субъективно-человеческую природу*. В частности, говорится о том, что этическая квалификация реальности представляет собой всего лишь проекцию фантомов человеческого сознания во внешний мир.

Другая говорит об *объективном* характере ценностной иерархии бытия. Как представляется, ценностная топография изначально вписана в саму метафизическую конструкцию, и именно она наделяет реальность иерархической природой. Это ценностно маркированный универсум. В нем высшая сфера бытия (царство идей) обладает сущностными характеристиками. Она наделена еще одним важным для морали качеством – *нормативным смыслом и моделирующей функцией* относительно ее ординарного или, можно сказать, профанического уровня. Этим двум уровням метафизического совершенства и полноты соответствует этическая оппозиция сущего и должного, морального закона и максимы человеческой воли,

святой и доброй воли у Канта. На этом основании можно утверждать, что природа человека всегда включает в себе больше, чем представляется в его наличном существовании, поскольку его видимый (предметный) образ скрывает в себе соответствующую умозрительную (идеальную) сущность.

В экзистенциальной философии аналогом оппозиции сущности и существования может служить различие подлинного и неподлинного бытия. Подлинное бытие человека всегда обладает актуальным статусом (объективно оно всегда *есть*), но для конечного человеческого субъекта оно еще *должно* стать фактом его сознания и претвориться в способ его существования. Поэтому для человека всякий акт *понимания* (открытия в себе истинно сущего бытия) выступает в форме *припоминания* того, что всегда было с ним. Одновременно это выходит за границы познания и становится экзистенциальной задачей или жизненной целью человеческого существа. Очевидно, что описанный онтологический императив, обращенный к ординарному, т.е. к онтологически забывчивому субъекту, обладает ярко выраженным *нормативным* смыслом, поскольку требует от него морального свершения – стать тем, кем он является *в действительности*.

Диффузия моральных начал в онтологии добра и зла. Теоретики моральной философии давно указывали на некоторую метафизическую зыбкость и относительность моральных определений действительности. Для придания этике бытийной опоры была сделана попытка наделить нравственность некоторыми устойчивыми бытийными гарантиями. Другими словами, этика должна была заговорить языком метафизики. Речь идет о так называемой *онтологии добра и зла*. Ее истоки восходят к платоновской доктрине, а фундаментальную значимость она получила в христианском нравственном богословии, где сохраняет свое влияние и в наше время. Христианская онтология добра и зла отождествляет *добро с бытием* и лишь ему оставляет право на действительное существование, т.е. она наделяет добро субстанциальной природой, позволяющей говорить, что оно *есть*. Основания зла лежат в небытии, еще точнее – в ущербе, недостатке, отсутствии бытия. Зло оказывается всегда вторичным по отношению к добру и не обладает метафизической реальностью, питаясь только остатками бытия.

Метафизический дискурс, положенный в основание онтологии добра и зла, остается очень значимым для традиционалистского сознания. Однако, как нам представляется, осуществляемый им в метафизике добра и зла синтез онтологии и морали выглядит неубедительным. Во-первых, при таком допущении зло по видимости лишается реальной (метафизической) опоры и выглядит совершенно беспочвенным, в то время как добро прочно укореняется в бытии. Августин даже предлагал отличать «действенные причины» (*causae efficientes*) бла-

гих деяний от «умаляющих причин» (*causae deficientes*), ведущих к порочным следствиям. В этом случае зло предстает в качестве чего-то «не-сущего», и не только по его бытийным основаниям (его *как бы* нет), но также по его активности и действенности. Однако это положение противоречит повседневному опыту нашей жизни, демонстрирующему очень деятельную и изобретательную природу зла. Во-вторых, как говорится, изгнанное через дверь зло возвращается к нам через окно: отсутствие у зла субстанциальной опоры приводит к тому, что оно, ища себе основания, логически и метафизически обретает свой приют в бытии, становясь его прямым порождением. Иначе откуда ему взяться в действительности? Этот парадокс онтологической интерпретации понятий добра и зла говорит о том, что философская этика должна опираться на свои собственные понятийные ресурсы, не полагаясь полностью на метафизику.

Aslan Gadzhikurbanov¹

Morality is a particular human mode of existence that can be defined in terms of the nature of a human being and its transition from the state of lesser perfection to the state of greater perfection.

The term “human mode of existence” stands for a certain metaphysical reality, or a human form of being. Nevertheless, a moral human mode of existence cannot be contained within the domain of any single ontology, for it is based on the idea that transcends the limits of being as such. One might rather speak of human existence or one’s being in the modus of *oughtness* (what Kant would refer to as *Sein-Sollen*). The emphasis isn’t on expanding the horizons of being, but rather the transcendence of an agent of morality to a different dimension of human ability—the transcendental dimension, one that transcends any extant definitions of human. Morality represents the dynamics of a human being’s evolution from one stage of metaphysical existence to another and further on, beyond mundane existence. Aristotle defines the goal of any aspiration, including (and beginning with) the moral aspiration, as the highest good, or good as the threshold of natural perfection for human beings.

In this case, any moral doctrine will, to some extent, be the ethics of perfection. The perfectionist idea forms the very foundation of the phenomenon of morality. We are

---

¹ Aslan Gadzhikurbanov — Cand. Sci. (Philosophy), the author of “The Anthropology of Augustine and the Ancient Philosophy”, Associate Professor, Ethics Sub-department, Department of Philosophy, M. Lomonosov Moscow State University.